

Елизавета Лютова

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Повесть

Елизавета Лютова

Колокольный звон. Повесть

«Издательские решения»

Лютова Е.

Колокольный звон. Повесть / Е. Лютова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907670-0

«Колокольный звон» — повесть о борьбе. Легко ли быть личностью в современном мире, где все следуют стереотипам и шаблонам? Что есть свобода выбора? И стоит ли жертвовать собой ради мифического счастья, но в которое очень хотелось бы верить? Это повесть о непростых взаимоотношениях между людьми и о том, как трудна дорога к свободе, за которую иногда приходится заплатить очень высокую цену...

ISBN 978-5-44-907670-0

© Лютова Е.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	9
IV	10
V	11
VI	13
VII	14
VIII	15
IX	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Колокольный звон Повесть

Елизавета Лютова

*«Не мир пришёл Я принести, но меч». Евангелие от Матфея, 10:34
«Слышишь звон, да не знаешь, где он». Пословица*

Иллюстратор Елизавета Лютова

© Елизавета Лютова, 2018

© Елизавета Лютова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7670-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Вера не знала, откуда берётся странный колокольный звон – в самом ли деле он существует или только слышится ей одной.

Он куда-то звал, а куда – Вера не ведала. Но, когда она его слышала, он словно ей о чём-то напоминал – о чём-то таком, про что она забыла, но это невольно хранилось в её памяти.

Так когда-то хранилась в кармане её детской куртки забытая конфетка – Вера вспоминала о ней, когда изредка нащупывала её, роясь в карманах или кладя туда всякую мелочь.

Она вынимала эту конфетку, смотрела на неё и совала обратно, отвлечённо думая, что как-нибудь она её съест.

Та конфетка со временем превратилась в некий талисман, который сопровождал везде маленькую Веру, незаметно лёжа в кармане куртки.

Потом Вере уже было жаль съесть конфетку-талисман, а потом она выросла из той куртки, которую отвезли в деревню и повесили на гвоздь в сених. В один из июньских вечеров Вера по старой привычке порылась в опустевших карманах старой куртки и нашла там ту самую конфетку.

Она развернула её, надкусила и – тут же почувствовала тошнотворно-горький, чуть солоноватый привкус. Вера выскочила на улицу и вышвырнула эту конфетку, сожалея, что вообще принялась её есть.

Не стало конфетки, как не стало полусказочного, светло-призрачного дошкольного детства, а потом Вера оказалась надолго – как будто навечно – заперта в стенах пыльных кабинетов и тускло-серых коридоров среди большой своры чужаков.

Они назывались сверстниками, а ещё – одноклассниками.

II

Вере сразу стало в этой своре тоскливо, одиноко и скучно: ведь дома мама и бабушка объясняли ей – в школу надо ходить для того, чтобы получать знания и слушать то, что говорит учитель, а хохочущие и визгливые одноклассники, как отметила Вера, в школу ходят вовсе не ради знаний и учения.

В школу они ходили ради болтовни и возни на уроках, хихиканья над бранными фразами и грубыми шутками и для того, чтоб орать и носиться на переменах так, что молоденькие учительницы других классов нервозно встряхивали руками и жались к стенам школьных коридоров, неуверенно шелестя «Не бегать!»

Не было молчаливой, задумчивой Вере места среди этих сверстников.

Она мечтала о других – о тех, про которых она не раз читала в светло-розовой детской книжке с елейными цветными картинками.

Главной героиней той книжки была маленькая девочка Настенька, которая жила в мире своего детства, а когда мама отдала её в детский сад, и какой-то плохой мальчишка обижал и её отбирал у неё игрушки, за неё заступились другие мальчишки.

А потом и она сама заступилась за какого-то мальчишку, у которого тот же мальчишка отобрал велосипед и кубики.

Ну и потом этот мальчишка исправился, перестал всех обижать, попросил у всех прощения и подружился с Настенькой.

Вера часто перечитывала и перелистывала ту книжку, мысленно представляя себе Настеньку и разговаривая с ней.

Вот только из-за кукол они с воображаемой Настенькой не ладили.

Настенька любила свою куклу, которую нашла на улице, а Вера – терпеть не могла кукол, поэтому она обозвала свою вымышленную подружку «глупой дурочкой» и жирно зачеркнула её куклу на картинке в книжке.

Но всё равно Вера представляла себе сверстников такими, какими они изображались в той розово-сахарной книжке – несмотря даже на то, что в «нулевом классе», куда её отправили перед школой, дети были недружелюбными.

И никто, ни один мальчишка, и не думал за неё заступаться, когда у неё отбирали игрушки, обзывали её и отгоняли.

А справедливой Настеньки среди девочек не нашлось.

Целыми днями Вера в перерывах между занятиями сидела около окна в игровой комнате и мечтала о том, как бы оттуда сбежать.

Но район, где находилось дошкольное учреждение, был Вере незнаком – всюду высились, белея стенами, какие-то чужие дома на невысоких холмах, и путалась между ними асфальтовая сетка неизведанных улиц.

Вера уже один раз убежала из детского сада.

Это было зимним весёлым кристально-солнечным днём, когда она на прогулке отстала от остальных детей и воспитательницы – хмурой, чёрствой, сухопарой тётки, выскочила за ворота и кинулась домой, радуясь и одновременно опасаясь, как бы её не заметили.

Но её не заметили.

Она благополучно добежала до дома, – он окнами выходил прямо на детский сад, – нашла свой подъезд, поднялась по ступенькам и застучала в дверь.

«А мне в детском саду не нравится!» – бойко заявила она, когда удивлённые мама и бабушка открыли ей.

Каждый раз, когда бабушка упрямо тащила Веру в сад, она оглушала всю улицу злыми, подвывающими криками – так она вела себя и когда бабушка отводила её в дошкольное учреждение.

После того зимнего побега её забрали из детского сада.

Сидя у окна или за партой в «нулевом классе», она думала, что если и теперь ей удалось бы сбежать, то её вовсе сюда не повели бы, а навсегда оставили бы дома.

Но Вера с огорчением понимала, что в незнакомом районе нельзя убежать даже на прогулке – ведь тогда она потеряется в неизвестных улицах, а дома так и не найдёт.

Оставалось только ждать до вечера бабушку, ходить гулять в парк вместе с отвратительными, галдящими чужаками и – в сторонке от них лепить песочные горки, собирать листья, калякать палочкой по земле или рисовать мелками на асфальте.

Но потом подходила одна дурная девчонка с чёрными, как будто каменными глазами, и начинала дразнить Веру, топтать горки, и, что особенно было обидно – подошвами башмаков затирать меловые рисунки.

Вера не хотела связываться с этой девчонкой, потому что воспитательница, наблюдавшая за всеми, не разрешала драться.

А Вера знала – ничего, кроме хорошей драки с той девчонкой, не спасёт её.

Вера не раз осторожно и робко пробовала спросить что-то вроде «Зачем же ты это делаешь?» – так спрашивала у плохого мальчишки Настенька, – но угольно-каменные глаза отвечали: «Потому что мне так хочется», и – по-прежнему оставались бездумными.

В дошкольном учреждении Вера не увидела тех сверстников из книжки о Настеньке.

III

Одноклассники в школе ещё больше разочаровали Веру – она каждый день видела, что отнюдь не открытость, простота и мягкость, присущие книжной Настеньке и её сверстникам, властвуют здесь.

Тому, что устанавливалось между одноклассниками, Вера поначалу не могла дать названия, но она понимала, что это нечто плохое.

Это была какая-то особенная негласная дружба, основанная на совместных глупых выходках вроде шварканья о стену столовских апельсинов – ими на большой обедней перемене была усыпана вся школа, презрении к учёбе и – ещё чём-то таком, чего одноклассники сами не знали, скорее они чуяли это друг в друге.

А Вера, глядя на них со стороны, думала, что они не такие, как ей хотелось бы, потому, что они никогда не слушали родителей.

Она была уверена в том, что их родители непременно объясняли им, как надо и как не надо себя вести, что нельзя некрасиво выражаться, грубить учителям и друг другу, драться на переменах, бросать на улице фантики и швыряться едой.

«Мы в войну голодали, – объясняла бабушка, когда пятилетняя Вера после долгих уговоров, споров и препираний из-за того, что она не хочет есть, схватила, наконец, тарелку с овсянкой на молоке, подбежала к окну и собралась всё вытряхнуть, – даже чёрного хлеба не было, а у тебя всё есть... Мне бы в войну такое дали – я бы счастлива была. А ты вот так вот. Поставь на место. Не хочешь – не ешь, но не надо так вот с едой обращаться. А то довыбрасываешься, что и вовсе еды у тебя не будет: боженька вот увидит и отнимет».

В тот день бабушка обиделась на Веру так, что вплоть до самого ужина не заставляла её есть.

А мама рассказывала, как её бабушка – Верина прабабушка, в военное время, когда еду по карточкам задерживали, сменяла на хороший обед золотые часы, а после войны, когда тоже были перебои с продовольствием, поменяла наградной серебряный портсигар, который её сын – Верин дедушка, получил в хоккейной команде Северного флота, на полбуханки чёрного хлеба.

Поэтому к еде в Вериной семье относились бережно – всё, что не доедалось, скармливалось уличным кошкам, собакам, птицам, и сухими хлебными огрызками кормили в парке уток, но никогда ничего не выбрасывали в мусорное ведро.

«Они что – не боятся, что боженька всё у них отберёт? – думала Вера, с сожалением глядя на растоптанные сырки, брошенные надкусанные бутерброды и раздавленные апельсины. – И про войну, когда голод был, не знают, что ли?»

«Нельзя сорить на улице, это некультурно. Выбрасывай в урну, – говорили мама и бабушка, – а те, кто на улицах всё бросают, они грязнят, а должно быть чисто».

И Вера ничего не выкидывала на улицах.

Если урны поблизости не оказывалось, она рассовывала фантики, палочки от мороженого, огрызки и ненужные бумажки по карманам, набивая их до отказа, лишь бы нигде не мусорить.

Одноклассники Веры поступали напротив – они не заполняли карманы мусором: они швыряли его в школе и на улицах, но зато с какой-то тошнотворной аккуратностью относились к внешнему виду и одежде – один из них даже совсем по-девичьи плакал и хныкал, когда случайно чиркнул ручкой по рукаву очередного нового свитера.

«Нет, они какие-то не те, – постоянно думала Вера, – они плохие, я не хочу с ними быть...»

IV

Над Верой одноклассники насмехались, считая её страшной идиоткой, а иные даже пытались с ней драться.

Не в пример Настеньке из детской книжки, Вера – ещё очень слабо, простодушно и неумело, отвечала грубостью на грубость, пробуя хоть как-то защититься.

Книжная Настенька не вступала в драки, она прекращала конфликты и всегда пыталась склонить своих сверстников к доброте и разьяснить, что хорошо, а что нет. И они к ней прислушивались.

Но Вера видела и понимала – среди её сверстников такое невозможно: они бы в два счёта обидели эту Настеньку, зашвыряли её бумажками и огрызками, исчиркали её тетради нехорошими словами и в мужской туалет забросили бы её портфель.

Вера никогда, в отличие от Настеньки, не вела с одноклассниками никаких нравоучительных бесед.

Она знала одно: от них надо бы держаться подальше, потому что, во-первых, они неизвестно почему очень злы, а во-вторых – с ними неинтересно, они только хихикают над глупыми шутками, журнальными комиксами и постоянно обсуждают в дурных подробностях акт размножения.

Верины одноклассники называли этот акт «любовью», поэтому они надсмехались над самим понятием «любовь» и над теми немногими сверстниками, которые об этом акте в силу нежного возраста ещё пока не знали.

Они, конечно, думали, что Вера в первую очередь не знает, но она знала, следя в деревне за бабочками, быками и коровами, курами и петухами, а когда она, гуляя с мамой в парке, увидела двух соединённых стрекоз, она спросила, что это они такое делают.

«Размножаются, – ответила мама. – Так у них яйца получаются. Потом они яйца отложат, потом личинки из них выйдут, а потом личинки вырастут, и будут новые взрослые стрекозы...»

А деревенские дети, с которыми Вера проводила лето, охотно и примитивно объяснили ей секреты процесса, от которого появляются на свет не только стрекозы, но и собаки, кошки, птицы, коровы и люди, а потом добавили: «Только ты никому, особенно взрослым, не рассказывай то, что мы тебе тут говорили».

Вера, обо всём узнав, помалкивала, а одноклассники, которые всё время обсуждали одно и то же, неизменно смеясь, вызывали недоумение, отвращение и скуку – никаких интересных разговоров не было в их кругу.

Вере хотелось поболтать с кем-нибудь о бабочках, о прочитанных сказках, о ласточкиных птенцах, которых они с деревенскими детьми пытались достать и потрогать, о том, как они тёплыми ночами выходили на деревенскую улицу и, глядя на звёзды, рассказывали друг другу анекдоты и всякие истории из жизни, что-то приукрашивая и придумывая.

V

Единственными интересными собеседниками для Веры были учителя – она любила поговорить с ними на переменах и после уроков, когда одноклассники с визгом и хохотом хватали портфели и неслись, топая, прочь из кабинета.

С учителями можно было поговорить о животных и книжках; ещё Вера часто заглядывала в школьную библиотеку и беседовала с обычно ворчливой, хмурой и неулыбчивой библиотечаршей – но с Верой она разговаривала с удовольствием, с лёгкой улыбкой и дружелюбием на сухом и строгом лице.

Так же дружелюбно и по-доброму беседовали с Верой и другие учителя, хоть и училась Вера довольно плохо и неохотно – часто засыпала на уроках, и многие предметы, особенно технические, ей казались скучными и бездушными.

На математике и информатике она смотрела в окно, а потом получала «двойки», хотя дома бабушка, то ругаясь, то уговаривая, целыми часами заставляла её учить таблицу умножения, решать какие-то бессмысленные примеры и задачи, писать циферки и значки в тетрадных клетках.

Вера делала вид, что вникает во всё это, но на самом деле она думала о том, что ещё не выучено стихотворение, заданное на дом, что будет дальше с оленёнком из длинной повести-сказки, которую она только начала читать, и когда уже бабушка отвяжется со своими тоскливыми учебниками и тетрадками.

– Ну как, ты поняла? – спрашивала, наконец, бабушка.

– Да, – без интонации отвечала Вера.

– Два! – в рифму восклицала бабушка, слыша в голосе Веры толстую ноту безразличия. – Ничего ты не поняла! Отвечай – сколько будет три на девять?

– Вот ты сама и отвечай, – говорила Вера, рассматривая потолок.

– «Сама»! Сама я уже давно отучилась и школу с отличием закончила, и институт, а ты... эх ты, даже азы – да это же азы – выучить не можешь! – вскипала бабушка, понимая, что её многочасовые старания пропали. – Мне в твои годы было бы ой как стыдно! А ты сидишь как пень с глазами и хоть бы что. И на уроках слушать учителя надо, а не в облаках витать...

Похожие сцены происходили и с мамой – только мама не наблюдала внимательно, чем в своей комнате занята Вера, склоняясь над столом с учебниками и тетрадками по математике.

А Вера, положив на колени книжку, читала, или рисовала, спрятав под учебник альбом и карандаши, а когда дело доходило до проверки домашней работы, Вера с напускным простодушием вздыхала и говорила, что она ничего не поняла.

– Как это так – два часа сидела – и не поняла ничего? – удивлялась мама.

Кончалось всё руганью, слезами, криками, скандалами и с горем пополам выполненными домашними заданиями, которые учителя крест-накрест перечёркивали, ставили «двойки», требовали в школу родителей, а Вера всё равно не понимала ни математику, ни остальные точные науки.

Вера начала быстро уставать в школе – от череды скучных предметов, к которым, ещё к тому же, примешивалась вражда с одноклассниками, чувшими, что в Вере нет того необъяснимого, что есть в них самих.

Это было какое-то особенное родство – словно все они, сами того не ведая, приходится друг другу братьями.

Только не кровь связывала их, а что-то ещё – то, что побуждало их галдеть на уроках, драться и вопить на переменах, давить сырки и апельсины на лестницах, швырять мусор под парты, смеяться и зло подшучивать над Верой.

Когда они были вместе, ими словно управлял незримый кукловод, и им ничего не оставалось, как подчиняться ему, – ни замечания, уговоры и крики учителей, ни вызовы родителей в школу, ни строгие красные записи в дневниках о плохом поведении, ни отправления в кабинет директора не останавливали их.

Невидимый кукловод, связав их ниточки вместе, в одну единую петлю, дёргал за неё – и они исполняли его волю, что бы он им ни приказывал.

И ни директор, ни учителя, ни родители не могли оборвать, обрезать эти невидимые нити и разорвать прочную петлю, которой были связаны все они – кроме Веры.

VI

По какому-то неведомому замыслу к ней кукловод не привязал нитей и не присоединил её к единой петле, так освободив её от своей власти.

Одноклассники будто бы чуяли то, что нитей кукловода у Веры нет.

Вера не желала присоединиться к общей петле кукловода – его незримое, но очень сильное покровительство, под которым находились одноклассники, настораживало и отвращало её.

Бездумный, ошалелый кукловод, словно в какой-то агонии дёргающий их за петлю, носил очень короткое имя – «мы», а Вера привыкла жить и действовать под покровительством иного властителя, которого звали «я», и имя кукловода для неё всегда звучало иначе – «они».

Школьные устои словно вторили кукловоду, и везде в школе – на стендах, праздничных плакатах, объявлениях, речи учителей, репликах одноклассников, – пестрело имя кукловода: «Мы пойдём на экскурсию...», «Мы отметим выходные...», «Мы начинаем новую тему...», «Мы придём на линейку первого сентября...». Вера всё это слышала и читала иначе – «они пойдут на экскурсию, они начинают новую тему».

Имя кукловода трансформировалось, и тогда писалось и звучало как «наш»: «наши учителя, наша школа, наши успехи», а Вера слышала и читала – «их», как велел ей её незримый покровитель – противник кукловода во всём.

Даже на общих классных фотографиях Вера никогда не улыбалась и стояла ото всех в стороне, сбегала с чаепитий, уборок, экскурсий и субботников, лишь бы не чувствовать себя под игом мерзкого невидимки-кукловода по имени «мы».

Временами одноклассники встречались Вере поодиночке, вдвоём, втроём – на дополнительных занятиях, во время тех больших перемен, когда все разбредались: кому-то делали в медицинском кабинете прививки, кто-то гонял украденный из спортзала мяч, кто-то обедал в столовой, кто-то просто сидел в классном кабинете – когда невидимый кукловод ненадолго оставлял их, ослаблял петлю.

В ослабленной петле они – его куклы, его игрушки и члены шалого, агонического братства, были просто серыми, тусклыми человекоподобными фигурами, которые не орали, не визжали, не дрались, не швырялись апельсинами и не трогали Веру.

Но стоило только им собраться в компанию из десяти и больше членов негласного братства – как кукловод по имени «мы» тут же дёргал за нити каждую куклу и общую петлю, и словно после антракта начиналось очередное, неизвестно какое по счёту, действие в какофонической, бессмысленной, шумной постановке.

В ней невольно приходилось участвовать и Вере – ведь гадких кукол невидимого кукловода было множество.

И не представлялось возможным оторвать им головы, руки и ноги и отшвырнуть их – так она поступала в годы дошкольного детства с искусственными куклами.

А эти куклы, которые учились – или делали вид, что учились, – с Верой в одном классе, считались людьми и выглядели почти как люди, поэтому с ними приходилось куда труднее.

Но Вера мало-помалу училась бороться и против этих – больших, подвижных и разнообразных кукол.

Среди них была одна маленькая фигурка – писклявого, уродливого, щуплого карлика – Вера часто представляла, как бы ему доставалось от прочих одноклассников, если бы на нём, как и на ней, не было незримых нитей кукловода по имени «мы».

Но он был прочно привязан к общей петле, поэтому его без оговорок принимали в негласное братство, и он комично дополнял карикатурную, орущую труппу «кукольного театра» одноклассников.

VII

Вере порой казалось, что невидимый кукловод имя «мы» откуда-то украл – оттуда, где «мы» – это не бездумная сила, не единогласная агония человекоподобных фигур, а всего лишь мирное обозначение множественного числа тех людей, которым покровительствует имя «я».

Во всяком случае, так говорилось в учебнике русского языка – «я» во множественном числе – это «мы».

А полусумасшедший, злобный кукловод вмешался и всё испортил, забрал себе имя «мы» и создал отвратительное, шальное общество – братство кукол.

Вера искала подтверждения, что её догадки насчёт «мы» не беспочвенны – и находила его в тех немногих учителях, которые смотрели на одноклассников не как на единую бестолковую мешанину, но которые в этой мешанине – труппе кукловода «мы», искали тех учеников, кому покровительствовало имя «я».

Такой оказалась учительница русского языка и литературы – Василиса Алексеевна, которая стала вести уроки у пятого класса – сразу после того, как закончились четыре года начальной школы, – и заметила Веру среди безглазой кукольной труппы.

Прежде всего Василиса Алексеевна разглядела в Вере недюжинные способности к литературе и русскому языку.

Она восхищалась Вериними сочинениями и её тончайшим грамматическим чутьём – Вера могла сразу, без запинки, сказать, как правильно пишется то или иное слово, не думая, почему же оно так пишется.

Но откуда-то она это знала, хотя порой у неё бывали сомнения в правильности написания.

Тогда она, обходя правила грамматики, писала на черновике верный и неверный вариант слова, в котором сомневалась, а потом из этих двух вариантов безошибочно выбирала верный.

А однажды её словно что-то осенило – это случилось в первом классе, светлым февральским днём, на уроке письма, когда она в прописях обводила аккуратный контур каллиграфических букв короткого стихотворения о зиме.

«А ведь я тоже могу так, – подумала про себя Вера, обведя всё стихотворение. – Это ж запросто...»

Вера отвлеклась от прописей и тут же, на вырванном из тетради листке, написала своё маленькое стихотворение о весне, быстро подобрав рифму.

С того дня она начала писать – коротенькие стишки, четверостишия, рассказы и, в конце концов, такие сочинения, которыми восхищались учителя.

Василиса Алексеевна была ясноглазой, светловолосой, средних лет дамой в бело-голубых, золотисто-персиковых, искусно повязанных на шее полупрозрачных шالях, в парчовых костюмах с греческими волнами, словно сошедшая с полотен Боровиковского или прибывшая из какой-то сказки.

Вера удивлялась, как эту чудесную даму угораздило оказаться в столь скверном месте – в этой школе-темнице с тусклыми коридорами, тошнотворно, до слёз в глазах, смердящей столовкой, пыльными окнами, замусоренными лестничными пролётами, постоянным шумом, визгом и матерными выкриками.

Василиса Алексеевна представлялась Вере волшебницей, а её аккуратный, тихий, светло-голубой кабинет, обставленный стеклянными полками с красочными книжными корешками и цветами в горшках – чудесной лабораторией, откуда на переменах выгонялись все ученики с объяснением: «Вы отдыхаете после урока, и мне надо отдохнуть от вас».

А Вере думалось, что Василиса Алексеевна на переменах не отдыхает, а листает в своей лаборатории волшебные книги, вырезает магические жезлы и, может быть даже, выпускает из рукавов лебедей.

VIII

В то же самое время, когда начала преподавать русский язык и литературу Василиса Алексеевна, пришёл в класс и он – бледный, худой, черноволосый, с кристально-чистыми, серебристо-аквамариновыми глазами, и не кукольными, а человеческими.

Вера, когда увидела его на линейке первого сентября, подумала, что он тонкостью и хрупкостью конечностей похож на фарфорового юношу из композиционной статуэтки «кадриль», что стоит на бабушкином серванте.

Серебристый несмелый взгляд на какую-то долю секунды соприкоснулся с янтарно-карим, упрямым взором стоящей среди одноклассниц Веры.

Вера чуть вздрогнула и тут же уставилась себе под ноги – она почему-то не выдержала кристальный отсвет этого взгляда.

Одноклассники, конечно, сразу почуяли, что нет на новичке нитей невидимого кукловода, и – набросились на него, как обычно бросались на Веру во время очередного действия бессмысленной постановки.

Это действие, когда хохочущие человекоподобные куклы с жутковато-тупыми физиономиями потешались над человеком, выглядело так – они обступали его кольцом плотно и тесно, чтобы он не мог выбраться, и каждая кукла старалась ударить его кулаком или ногой.

Вера, правда, всегда вырывалась, отбивалась и выскакивала из кольца – или же прижималась спиной к стене, чтоб куклы не могли бить сзади и чтоб наносить ответные удары, хоть и с частыми промахами.

А новичок не мог вырваться из кольца распалённых, взбешённых кукол, поэтому они, шалея от ощущения дурной силы, которой, дёргая петлю, наделял их невидимка-кукловод, ударяли его до тех пор, пока им это не надоедало.

Он выходил из их круга, и от него почти осязаемо веяло страданием – оно скрывалось в горестной мимике тёмных складок его свитера, свободно повисавшего на хрупком, тощем теле, в разболтанных, грустно поблёскивающих застёжках стоптанных сандалий, в сгорбленной спине и – в кристально-серебристых с бирюзовым отливом глазах.

По всем кабинетам вместо футбольного мяча летал его портфель; временами из него вытряхивалось всё содержимое, растаптывалось и разбрасывалось повсюду.

А он, нагибаясь и часто моргая, собирал свои карандаши, учебники и тетради, и в это время кто-нибудь из кукол изо всех сил ударял его под зад ногой.

Вера однажды хотела подойти к нему, когда куклы-одноклассники оставили его с блестящими от слёз щеками, и уже, было, протянула руку и собралась заговорить, утешить – и тут он взглянул на неё, но смотрел ей в глаза чуть дольше, чем на линейке первого сентября.

Вера вдруг уловила в его страдальческом, робком, затравленном взгляде крошечные, тёмные, неприятные точки и – в то же мгновение вспомнила дневное небо над морем под Новороссийском, куда они летом с мамой ездили отдыхать.

В высокой, просторной небесной бирюзе мягко, безмятежно парили ослепительно-яркие, белые кресты силуэтов чаек, горько и длинно крича. Внезапно среди них мелькнули два чёрных креста – силуэты воронов.

Белые кресты заметались, засутились, и немного грустное, застывшее спокойствие дневного неба над морем омрачилось появлением чёрных вороновых крестов, тень которых тяжело скользила по сероватым прибрежным камням.

Вера отпрянула и отвернулась от новичка: хотя весь его понурый образ говорил о мучениях, ей не захотелось подходить к нему, когда она рассмотрела в его глазах эти тёмные, как будто злые, точки.

Они её насторожили – хотя новичок ничего не сказал ей и не выкинул никакой грубости.

А когда он после очередной стычки с кукольным братством одноклассников заметил, что одна Вера его не трогает, он стал очень осторожно, неуверенно пытаться стать к ней ближе.

В тот день, когда куклы-одноклассники окружили его – это было на уроке физкультуры, в полутёмном, замусоренном, обшарпанном коридорчике возле спортзала, Вера опять захотела вступить за него, схватить за руку и увести подальше от злорадного, ошалелого хохота, бранных вскриков и – их запаха.

Вера всегда улавливала этот гадкий запах, когда куклы собирались вместе – от них веяло, как от столовки, невымытыми тряпками, тухлой рыбой и ещё почему-то – жжёной резиной, смрад которой Вера запомнила с раннего детства.

Она и бабушка ехали куда-то в трамвае, который был весь пропитан этим ядовитым, резким, карябающим горло смрадом.

Вера, пока не спросила у бабушки, ещё не знала, что это за смрад, но – ей казалось, что он тёмно-коричневого цвета, и её от него тошнило.

Когда куклы-одноклассники собирались вместе, она, чуя их смрад, всякий раз вспоминала о той тошноте в трамвае, и они ей казались ещё более отвратительными и – коричневыми.

Когда в тусклом, маленьком коридорчике около спортзала стало тесно, и кукольные фигуры одноклассников загнали в угол фарфорово-хрупкого, бледного новичка с серебристо-янными глазами, Вера рассматривала его лицо.

Сначала оно было, как и всегда, жалобно-мучительным, робким и даже кротким – но неожиданно по нему промелькнула та самая, уже знакомая Вере злобная тень, и кристальные глаза на долю мгновения словно поблели.

Новичок, что-то прошипев низким, суховатым голосом в ответ обидчикам, с силой толкнул в грудь одного из них.

Вера вздрогнула – она впервые услышала этот голос, – как ей подумалось, это и есть отзвук того, что мутными, тёмными точками иногда зло мелькает в его кристально-чистом, светлом взгляде.

А так его обычный голос – приглушённый дискант, звучал мягко, чуть растянуто, с робкими переливами, и Вере нравилось слушать, как он отвечает на уроках или расспрашивает о чём-нибудь учителей.

А теперь, услышав вместо его привычного голоса странное шипение, словно его кто-то душил, Вера помедлила и – не подошла к нему.

Между тем его глаза опять посветлели, он часто заморгал, и лицо его выражало только страдальческую обречённость, смешанную со страхом.

Он вжался в угол, понимая, что сейчас на него набросятся, и растерянно вглядывался в издевательские, насмешливые и тупые физиономии.

Увидев Веру за их спинами, он, как на линейке первого сентября, неуверенно посмотрел ей в глаза, словно бы спрашивая: «А ты разве – не с ними?»

«Нет», – без слов ответила Вера, задержав дыхание – в ней всё ёжилось и обомлевало от этого кристально-голубого, светлого взгляда.

Несколько мгновений Вера и новичок смотрели друг другу в глаза. Но Вера не выдержала и – перевела взгляд на пол.

В тот день Василиса Алексеевна, узнав о случившемся на уроке физкультуры, в своей волшебной лаборатории русского языка и литературы пыталась донести до кукол то, что донести было невозможно.

– Вот вы знаете, – голос Василисы Алексеевны звучал мелодично, но твёрдо, – что на самом деле вы не сильнее, чем он? Вы – слабее. Потому что не можете удержаться перед издевательствами над ним. Вы, зная, что он не может вам ответить – он один, а вас, сильных физически, так много, – вы решили, что можете себе позволить травить его? Какая низость...

Они делали вид, что слушали, но в их физиономиях не промелькивало даже намёка на осмысленность, которую потихоньку взглядом искала Вера.

– Какая мерзость, – продолжала Василиса Алексеевна, и её румяное лицо приобрело багряный оттенок. – А потом, вы в курсе, чем может закончиться ваша травля? Я много лет уже в школе – и не раз мне приходилось за этим наблюдать. Как-то, в одном классе, была одна девчонка – и её тоже все травили. Девчонка как девчонка, но над ней все издевались, и она из-за этого страдала. Ничего хорошего не вышло из этого, уж поверьте мне. А в другом, ещё в одном классе, был мальчик. Он был толстенький и в очках, и из-за этого его все травили. А он, между прочим, писал прекрасные сочинения и романы. Но из-за травли он очень страдал. И, в общем-то, закончил он плохо. Он, в общем-то, погиб. Но вы подумайте – потом счастливы ли были те, кто над ним издевались?

В каждом уголке волшебного кабинета затаилась тишина, и даже драцена в большом горшке на этажерке замерла и перестала покачивать листьями.

Слышались только негромкие всхлипывания новичка, который, ссутулившись, сидел за изрисованной партией, закрывая лицо хрупкими руками.

Василиса Алексеевна попросила его остаться после урока. Он, не отнимая ладоней от лица, кивнул.

– Да над ним вообще все издевались! – крикнул один из одноклассников, видно, не выдерживая тишины. – Все! Кроме Веры Железиной ... – он показал на неё пальцем.

Новичок вдруг убрал от заплаканного лица дрожащие ладони и внимательно посмотрел на Веру, и несколько секунд она не отводила взгляда от аквамариновых глаз.

Потом – снова не выдержав – она повернула голову к окну, за которым собирался холодный сентябрьский дождь.

Внезапно до её слуха долетел далёкий-далёкий, призрачный звон колоколов.

Ей почудилось, что в окне, в туманности облетающих деревьев и дымке синевато-серой перспективы квадратных высоток, мерцает крохотная золотая точка купола храма, откуда этот необычный звон и доносился.

Тогда Вера впервые в жизни услышала этот звон – от него возникало чувство, похожее на то, когда она, бывало, крутилась «солнышком» на качелях.

Всё начинало колыхаться, переворачиваться и с головокругительной, захлёстывающей плавностью содрогаться, как и от кристального, чистого взгляда одноклассника-новичка.

IX

Его звали Иуда Чертополохин.

Вере это имя – Иуда, – очень не нравилось – оно карябало слух, и ей всегда представлялось, что и от него удушливо веет прелым тряпьем и подгнившей, заплесневелой древесиной, как от кукол-одноклассников – жжёной резиной.

Особенно Веру коробило ласковое сокращение этого имени – Иудушка, которое не только отдавало прелью и плесенью, но и было окрашено в тёмно-серый с мочевиной желтизной, подвальный, сырой цвет.

В «нулевом классе» вместе с Верой учился один мальчик по имени Иуда.

Все воспитательницы и его бабушка, приходившая за ним, ласково звали его Иудушкой.

– А у тебя такое противное имя! – как-то раз, не выдержав очередного ласкового обращения к Иуде, воскликнула Вера, повернувшись к мальчику, сидевшему за задней партой.

– На своё посмотри, – усмехнулся маленький Иуда, ничуть не обидевшись.

Но, когда Чертополохин после той озлобленной схватки на физкультуре с куклами-одноклассниками стал пробовать приблизиться к Вере, его имя уже не ёрзало по ушам, как раньше.

Даже грозовой июньской свежестью, а не подвальной затхлостью, повеяло вдруг от этого имени, и серо-жёлтые тусклые его оттенки превратились в серебристо-голубые.

Иуда не отходил от Веры, и заметившие это куклы-одноклассницы начали перешёптываться.

Едкие насмешки, презрительно-злобные взгляды и подтрунивания летели на Железину, словно одним холодным летним днём в деревне – москиты, которые жгуче забивались в рот, в нос и в глаза, оставляя ощущение сырой, холодноватой колкости.

Почти то же чувство, как от москитов, испытывала Вера где-то в горле от насмешек одноклассниц – раскрашенных, надушенных, аляповатых кукол.

– Да ты посмотри, – злорадно хихикали они, – да ты же ему нравишься! Он же влюбился и хочет, чтоб ты на него внимание обращала, а ты от него бежишь...

Все остальные одноклассники повторяли за куклами-одноклассницами, добавляя от себя различные непристойности и выкрикивая матерные шутки.

Вера и в самом деле бежала от Чертополохина и отталкивала его.

Во-первых, ей не хотелось, чтобы приспешники шалого невидимки-кукловода ополчились против них обоих из-за так называемой «влюблённости» – ведь куклы всё время и без того издевались и надсмехались над понятием «любовь», а во-вторых – она не могла смотреть в кристально-аквамариновые глаза Иуды.

Этот серебристый, светлый, озаряющий взгляд будто бы больно задевал в ней что-то, зацеплял, заставляя отбегать, отталкивать, но потом – будто тёплой морской волной плавно окатывал её, нежил, тихонько гладил.

Эта теплота напоминала ту, из раннего-раннего смутного, недолгого детства, когда Вера на море летними бирюзовыми солнечными утрами кувыркалась на приливающей к берегу волне, чувствуя её согревающее, лёгкое, мягкое обволакивание и одновременно – толчки, которые на мгновение подбрасывали в воздух.

Вера представляла, что она взлетает.

Из-за короткого, моментального ощущения полёта Вера была готова до тошнотворного головокружения кувырнуться на волне, а из-за тёплых серебристых лучей в кристальных глазах Иуды – хоть и очень неохотно, но всё же позволять ему приближаться, лишь бы украдкой, незаметно смотреть в эти лазурно-лучезарные, чистые глаза.

Вера, наблюдая за Иудой, находила в нём черты какой-то чужаковатости, отстранённости от всего окружающего, и эти черты ей казались неразгаданной, потайной, огромной планетой в Иудином сознании.

Он носил с собой маленький блокнотик, и на уроках, потихоньку от учительского взгляда, что-то карандашом и ручкой рисовал в нём, чертил – и его бледное, худое лицо при этом озарялось внимательностью и вдохновением.

Этот блокнотик Иуда закрывал рукой ото всех – даже от Веры, которая сидела рядом с ним на уроках.

Вера всё же как-то раз, когда он сидел над блокнотиком, осторожно заглянула через его плечо и увидела витиеватые геометрические узоры, из которых складывались удивительные по своей абсолютной симметричности цветы, солнца и розы ветров.

Иуда, заметив, что Вера подглядывает в его блокнотик, слегка вздрогнул, часто-часто заморгал и испуганно посмотрел на неё.

Но Вера тут же притворилась, будто она ничего не видела, и ей показалось, что она проникла в какую-то недозволенную тайну.

Иногда он приносил с собой сборник анекдотов и, ни на кого не обращая внимания, читал его за партой на переменах, периодически смеясь в голос, а куклы-одноклассники, видевшие это, крутили пальцами у висков.

А ещё он приносил сборник греческих легенд с цветными репродукциями картин разных художников, и задумчиво перелистывал его на уроках и переменах.

Вера стеснялась попросить у него посмотреть этот сборник, хотя ей было очень интересно, и она тайком, через плечо Иуды или на перемене, пока его не было, рассматривала картинки и читала отрывки из легенд.

Однажды, заглянув через его плечо, она заметила разрисованную геометрическими узорами закладку в сборнике и – увидела жутковатую желтовато-серую с голубыми тонами репродукцию сюрреалистической картины, написанной небезызвестным испанским художником на античную тему.

На картине сидело на терракотовом фоне, скрючившись над мутной водой, узловатое жёлтое тело Нарцисса – а напротив, на голубом фоне, но в такой же позе – серое туловище с надтреснутым яйцом вместо головы.

Позади жёлтого тела хмуро высилась коричневая скала, под которой столпились неприятные, белёсые человекоподобные фигурки, а позади серого подобия этого тела граничила с терракотовой почвой шахматная клетка, и на ней стояла на пьедестале беломраморная статуя.

От этой картины, как почудилось Вере, коричневатое веяло жжёной резиной и желтовато-серо – гнилью и плесенью.

Почуввав смесь этих «цветозапахов», Вера отвернулась от сборника греческих легенд и – больше не заглядывала туда, опасаясь опять наткнуться на репродукцию этой мерзкой картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.